

*Абду Мохаммеду Али.
Техническому гению, спасшему ситуацию.*

I

Вторник, 17-е марта, 2020

Меня поглотила пустота. Я не у себя в кровати. Я вообще не в кровати.

Как только я открываю глаза, я понимаю — что-то не так. Сильно не так. Вокруг темно. Я заключена в угрожающей, душной черноте. Я лежу, но дезориентирована, потому что подо мной холодный бетонный пол. Похоже его должны были покрыть плиткой, но что-то немедленно говорит мне, что этого никогда не случится. Мой ум неповоротлив и не способен понять, почему я так думаю. Не помню, когда в последний раз спала на полу, миллион лет назад, будучи студенткой, ночующей у других в комнате, если была слишком пьяна, чтобы добраться домой. Я пытаюсь сесть, конечности кажутся тяжелыми, голова болит. Я пробую встать, но меня дергает назад, так как левая рука привязана. Прикована. Я слышу лязг цепи и ощущаю холодный рывок. Может, я сплю? У меня в голове пульсирует боль, нарастает и лопается, я снова закрываю глаза, веки царапаются, как наждачка, я открываю их во второй раз, давая им время привыкнуть к темноте. Может, из-за головокружения все кажется незнакомым? Неустойчивым? Я чувствую себя медленной, заторможенной.

Сколько я вчера выпила? Я пытаюсь вспомнить. Не могу. А затем — это ужасает — я понимаю, что совсем не

помню прошлого вечера. Меня мутит. Я ощущаю запах блевотины, предполагающий, что меня уже тошнило. Я не должна просыпаться с запахом блевотины. Где запах утреннего дыхания моего мужа? Нет ни аромата тостов, доносящегося с кухни, ни смеси лайма, базилика и мандарина от комнатного спрея Jo Malone, который я иногда ощущаю по утрам. Я в каком-то пыльном, сухом месте, где немного жарковато. Я что, в больнице? Нет. В какой больнице пациентов кладут на пол, приковывают их? Кругом тишина. Мои мальчишки не пререкаются на кухне, не орет телевизор, не открываются, не хлопают двери, не слышно требовательных «Мам, где мои футбольные шорты?». Я жду, иногда я просыпаюсь более спокойно. Иногда это Радио 4 или запах кофе.

Ничего.

Меня затапливают тревога и страх. Мои внутренности и конечности превращаются в жидкость, и я не могу координировать свои движения. Мой затуманенный мозг понимает, что меня чем-то накачали. Меня похитили. Ужасная вещь, о которой читаешь, случившаяся с кем-то — кем-то другим — случилась со мной.

Я в панике дергаю цепь, но она не поддается. Я шарю в темноте. Пытаюсь понять, что меня окружает. Я не могу двигаться далеко из-за цепи, прикованной к обогревателю на одном конце и стяжкой к моему запястью на другом. Она примерно метр в длину. Когда мои глаза приспособляются, я вижу, что комната примерно три на два метра, как стандартная гостевая. Стены обклеены обоями. Вокруг чисто и пусто. Я не на захудалом складе или в заброшенном коттедже. Комната невзрачная, без каких-либо отличительных черт. Думаю, в этом и смысл. Я могу быть где угодно. Здесь нет мебели. Совсем. Ни кровати, ни матраса, ни лампы. Ничего, чтобы смягчить или успокоить. Только пластмассовое ведро. Я понимаю, зачем оно, и меня снова охватывает приступ тошноты. Я вижу очертания двери и заколоченное окно. Я не могу достать до двери, потому что она в дальнем углу, или до

окна, так как оно находится в конце противоположной стены от обогревателя, к которому я прикована.

Я собираюсь взглянуть на время, но мой фитнес-браслет сняли. По моему телу уколами проносятся чувства отчужденности и растерянности от незнания времени или даже того, какой сегодня день. И все же у меня еще есть голос. Я могу кричать и, может, привлечь внимание. Я мимолетно подумываю, что крики могут привлечь внимание человека, притащившего меня сюда. Он может сделать со мной что-нибудь похуже, чем приковать, но у меня нет выбора.

— Помогите! Помогите мне! Помогите! — Мой голос разбивает мертвую, неестественную тишину. Я кричу снова и снова, пока не охрипну. Боль в моей чувствительной голове усиливается.

Никто не приходит.

Никто не отвечает.

Тишина затягивается. Я прекращаю кричать и прислушиваюсь. Надеюсь услышать что-то — машины вдалеке, людей на улице, пение птиц, пока свет медленно пробирается сквозь заколоченное окно. Новый день, но который? Ничего. Я словно в вакууме. Затем я слышу шаги, приближающиеся к двери.

— Пожалуйста, пожалуйста, выпустите меня, — скулю я. Теперь я плачу. Я не знаю, когда начала плакать. Слезы и сопли стекают по моему лицу. Я не хочу быть слабой. Я хочу быть сильной, смелой, стойкой. Такими вы себя представляете в подобной ситуации, но это выше моих сил. Это смехотворная фантазия. Я просто в ужасе. Я буду умолять, упрашивать, кланяться. Что угодно, лишь бы остаться в безопасности. Что угодно. — Пожалуйста, пожалуйста, не трогайте меня. Пожалуйста.

Потом я слышу отчетливый стук клавиш старомодной печатной машинки. Что-то вроде шаркающего тук-тук-тук. Медленно, точно. Как враждебный обратный отсчет. Затем доносится шелест трепещущей бумаги, резко выдернутой из катушки машинки. Этот устаревший звук сюда не вписывается, его царство — оживленные офисы газет прошлых

Адель Паркс

десятилетий. У кого теперь есть печатная машинка? Слышится шорох, когда бумажку проталкивают под дверь. Я тянусь к ней, но не могу ее достать. Я растягиваюсь на полу и осторожно, очень медленно, подтягиваю ее ближе пальцами ноги, пока мне не удастся пододвинуть ее достаточно близко, чтобы схватить.

«Не я здесь плохой».

2

Ли

Воскресенье, 15-е марта

Воскресенье. Мальчиков нет дома. Всех троих. Мне, наверное, не стоит называть Марка одним из своих мальчиков. Это умаляет его, а он совсем не такой. Он очень способный. Сильный. Это просто сокращение. И если я скажу, что моего мужа и сыновей нет дома, это прозвучит формально и педантично.

К тому же не совсем точно.

Моего мужа и *его* сыновей нет дома. Мысль вспыхивает у меня в голове, щипая сильно и жестоко. Даже теперь. Это внезапное и грубое разделение ранит. Хотя оно не было внезапным, не так ли? Не совсем. Уж лучше мне быть с собой честной. Оно всегда было. Дисбаланс, который ощущали обе стороны и пытались никогда его не признавать. Дисбаланс, который невозможно было игнорировать в последние несколько месяцев, когда Оли начал настойчиво подчеркивать эту разницу.

Они *мои* сыновья. Я всегда считала их своими сыновьями, я люблю их как своих. Я не могла бы любить их еще больше.

Правда не могла бы.

Я делала все, что может мама. Я купала их, ухаживала за ними, кормила их, покупала им вещи, играла с ними — ох,

эти бесконечные, бессмысленные игры! Я учила их. Не только алфавиту и как завязывать шнурки, я научила их плавать, кататься на велосипеде, отмерять ингредиенты для готовки, застегивать пуговицы, завязывать узлы, определять время, переходить дорогу. Я пытаюсь научить их о мире всему, чему могу. Я хочу наполнить их знаниями, силой и любопытством, потому что эти качества будут поддерживать их, когда меня не будет рядом. Но иногда — может, все время — дети не податливые. Они не замечают и не понимают ваших больших мотиваций. Они не знают, что вы пытаетесь их обезопасить, помочь им расти. Они просто думают, что вы — строгий родитель, который одержим их учебой и чистой зубов.

Они *мои* сыновья. Что бы там ни говорил Оли.

Это разбивает мне сердце. Все предупреждали меня, что этот этап настанет где-то в их подростковом возрасте, когда им хочется испытывать границы, развивать собственную личность, устанавливать свои планы, создавать новые миры, в целом превращаться в маленьких говнюков. Моя лучшая подруга, Фиона, шутит, что Оли мог бы делать вещи намного похуже, чем называть меня Ли. Он мог бы прогуливать школу, воровать из магазинов или накуриваться каждый вечер. Она говорит, что я должна быть благодарна. Это не так, я разбита. Потому что это не этап, а протест. Заявление. Я действительно не их биологическая мать, но единственная, которая у них есть, поэтому можно было подумать, он примет, что я стараюсь изо всех сил. Мы были так близки.

Мы снова поссорились из-за этого ранее утром. Я заполняла онлайн родительскую форму насчет его выпускного. Просто всякие данные об аллергии (у него ее нет) и разрешение поехать на транспорте, везущем детей на вечеринку после него (я согласилась). Ничего неоднозначного. Он сказал, что у меня нет права. А ведь я плачу за эту чертову вечеринку.

Марк просто сказал, что это неподходящий день, чтобы в это ввязываться. Он всегда так говорит. Нам не стоит в это ввязываться в школьный день, потому что дети накануне выпускных экзаменов и так под достаточным давлением, нам не стоит в это ввязываться на выходных или

каникулах, потому что это испортит настроение. Нам не стоит ввязываться в это в любой день недели. Хотя это тянется все время. Оли кипит. Фыркает. Дуется и большую часть времени отвечает односложно.

Когда они куда-то идут — послушайте, это ужасно признавать, — но иногда, когда за ними захлопывается дверь, и я знаю, что нас разделяют стены, тишина меняется. Зачастую она кажется давящей и обвиняющей, но я чувствую себя свободнее. Без посторонних взглядов мне легче думать.

Они навещают сестру первой жены Марка. Он сохранил близкие отношения с ее семьей, а особенно с сестрой. Обычно я езжу с ними к Пауле и ее семье, но сегодня я по ряду причин решила остаться. Я сказала, что мне нужно сделать несколько звонков, меня ждет груды стирки, а пол на кухне нуждается в мытье. Воскресный обед был довольно насыщенным. Пока мы ели, наш кот, Топаз, запрыгнул на кухонную стойку и потоптался в оставленных там жирных противнях, оставив повсюду дорожку жирных следов. Он большой, жадный кот, и каким-то образом умудрился поднять куриную тушку и сбросить ее на пол, где она проскользила, размазав за собой полосу жира. Обнаружение кота над курицей, пожирающего оставшиеся кусочки мяса, привело к мини-кризису, когда Себ запаниковал, что кот может подавиться куриной косточкой. Он не подавился, просто агрессивно шипел и царапался, когда я оторвала его от добычи. Я не слишком чистюля. Прежде, чем стать матерью и женой, я содержала свою квартиру в чистоте, но однажды прочла надпись на магните для холодильника: «Чистый дом — признак попусту потраченной жизни», и поняла, что согласна с ней больше, чем чуть ли не со всем прочитанным в жизни.

Я терпеть не могу пустых трат.

Особенно траты времени впустую.

Однако, даже с моими довольно смягченными стандартами, я не могла оставить кухню в липком жире; мальчики бы разнесли его по коврам, Себ — который был немного неуклюжим — несомненно поскользнулся бы на нем. Поэтому я сказала, что останусь и приведу все в порядок.

Кроме того, я ненавижу кладбища.

Сегодня годовщина смерти Фрэнсис. Одинадцать лет со дня, как они потеряли свою настоящую мать. Первую жену Марка. Мою предшественницу. Предтечу. Марк увез их навестить ее могилу. Сестра Фрэнсис, Паула, и ее муж с тремя их дочерьми тоже поедут. Фрэнсис похоронена в нескольких минутах от дома Паулы, поэтому она часто навещает ее могилу — ухаживает за ней, вырывая сорняки и принося свежие цветы. Трое ее девочек посещают могилу так часто, что они говорят об этом так же, как о визите к бабушке или на игровую площадку. «Пойдем к тетушке Фрэнсис?», радостно спрашивают они постоянно. Я думаю, им просто нравится покупать цветы у флориста — а какой маленькой девочке это не нравится? Дети Паулы еще не родились, когда умерла Фрэнсис, но она поддерживала ее жизнь в их воображении, и для моих мальчиков тоже. Она вечно рассказывает Оли и Себу истории о Фрэнсис. У нее уникальное положение для этого, и я считаю, что мальчикам важно чувствовать себя комфортно при разговорах о матери. Хотя я не думаю, что она обязательно должна быть главной темой разговора при *каждой* их встрече со своей тетей, иногда было бы неплохо, если бы Паула могла поговорить с мальчиками, не прервав предложения, чтобы воскликнуть: «Вам нравится торт с шоколадной помадкой? Само собой, ваша мама *обожала* торт с шоколадной помадкой» (ну а кому он не нравится?) или «Вы так похожи на вашу маму в этом возрасте. Просто копия». Мальчики на самом деле похожи на отца, но я полагаю, они могли унаследовать незнакомые мне повадки от Фрэнсис. Я не веду себя неуважительно по отношению к ней. Я понимаю, что по всем рассказам она была чудесной женщиной. Доброй, терпеливой, смешной, умной. Никто о ней и словом плохим не обмолвился (что, если честно, мне сложно проглотить — никто не идеален). Я также понимаю, что некоторые люди получают большое утешение от посещений могил, им нравится показывать уважение и демонстрировать, что хоть человека больше нет, о нем не забыли. Мне посещение могил кажется нездоровым. И в этом случае — методом давления.

Просто дело в том, что мы с Паулой не близки. Мы не сообразимся, но мы не находим общий язык. Никогда не на-

ходили. Мы вежливо общаемся. Я полагаю, ее холодную отстраненность можно понять. Марк мог получить новую жену, но она никогда не получит новую сестру. Я понимаю, что если бы Фрэнсис трагически не умерла от рака, я бы никогда не стала женой Марка, мачехой Оли и Себа, потому что они не были из тех пар, которые когда-либо разошлись бы. Они были счастливы. Марк никогда бы не обратил на меня внимания.

Но Фрэнсис умерла.

Нужно много силы и решимости, чтобы не считать себя вторым выбором. На втором месте. Я постоянно напоминаю себе, что я не план Б, я просто другой путь. Я посещаю ее могилу с ними на ее день рождения и даже на Рождество, прямо перед тем, как ринуться по М1 к родителям Марка — хотя это сводит меня с ума, потому что на Рождество есть тонна дел и все они срочные. Я просто думаю, что делать событие из годовщины смерти — это слишком.

Я лучше помою кухонный пол.

Сначала я займусь домашними делами, а потом усядусь звонить друзьям и родственникам. Это будет моей наградой после рутинного труда. Я спланирую следующую неделю, обсужу бары и рестораны, куда стоит сходить, напомню себе, что есть другие способы подтвердить ценность своей жизни помимо моего успеха — или его отсутствия — в материнстве для Оли и Себа, и браке с Марком.

Не поймите меня неправильно. Мы очень счастливая семья. По большей части. Очень счастливая. Просто иногда — и вам это скажет любая мать — иногда материнство кажется немного неблагодарным, немного безнадежным. Ну, если не безнадежным, то уж точно вне вашего контроля. Я думаю, это самый сложный урок, который мне пришлось выучить в качестве родителя — как бы ни старалась, я не могу гарантировать счастье и успех моих сыновей. Внешние силы постоянно вмешиваются. Силы, которые значат для них больше, чем я. Компании друзей, строгие или придирчивые учителя, лайки и подписчики в соцсетях, выберут ли их в команду и пригласят ли на вечеринку, считают ли они себя достаточно высокими, слишком толстыми, слишком

худыми, слишком прыщавыми. Являются ли они лучшими в чем-то, в *чем-нибудь*. Было легче, когда они были маленькими — обьятие, разноцветный лейкопластырь или леденец могли решить практически все.

Мне нравится слушать музыку, когда в доме пусто. По двум причинам. Во-первых, чтобы заполнить пустоту, которую обычно занимает пицание видеоигр, кричащая музыка или телевизор, а во-вторых, потому что, когда мальчики дома, мне редко удастся выбрать музыку. Оли нравятся хип-хоп и рэп, Себ притворяется, что они и ему нравятся, так как восхищается своим старшим братом и пытается подражать каждому его движению — копировать его стиль, предпочтения в музыке, еде, сериалах — и все это к огромному раздражению Оли. Из-за того, что обоим мальчикам нравятся хип-хоп и рэп, злые тексты и тяжелые, настойчивые биты гремят в наших комнатах когда они дома, а мои предпочтения не учитываются. Никто бы не назвал меня фанаткой музыки. Я перестала следить за группами, когда Oasis и Blur начали сползать в чартах. Большая часть моей любимой музыки не появляется на радио, но мне нравится танцевать. Мне нравится, когда ритм проносится по моему телу. Наверное, я музыкальный эквивалент человека, говорящего, что ничего не знает о вине кроме того, которое им нравится пить.

Иногда я слышу песню у Оли или Себа и говорю: «Что это? Мне нравится». Еще полгода назад это вызывало у Оли улыбку, он восторженно показывал мне какие-то непонятные видео на YouTube и делился фактами об исполнителе: он был в тюрьме, он выступал с яхты перед толпами на берегу, он раздал десять миллионов наличкой в своем районе. Миры, описываемые им, мне чужды, я помню времена, когда самым неожиданным поступком поп-звезды было нарисовать глаза. Но мне нравилось слушать его увлеченные рассказы. Мне нравилось видеть его оживленным, и для меня было честью, что он выбрал поделиться своим восторгом со мной. Я скучаю по этому. Я скучаю по нему.

Однажды я совершила ошибку, сказав, что после того как услышала Тейлор Свифт по Радио 1, считала ее своим тотемным животным — потому что она словно пишет о мо-

их чувствах. Ну, о прошлых чувствах, когда я была молодой и ранимой. Похоже, эти вещи не меняются для женщин вне зависимости от продвинутости мира. Примерно в то время я заметила, как изменилось отношение Оли ко мне. Когда я сказала о тотемном животном, он не понял, не разобрал шутку или мою попытку сблизиться. Он ужаснулся. Внезапно разозлился, что я могу посягнуть на его мир молодости и возможностей, влюбленностей, и тайных деяний под одеялом (в одиночестве).

— Ты даже не знаешь, что такое тотемное животное, — огрызнулся он. — Другой человек не может быть твоим тотемным животным.

— Я знаю, я пошутила! — сказала я с улыбкой, пытаюсь вовлечь его в разговор. — Но она невероятная, не так ли? Словно понимает все о тайных желаниях, победах и ошибках. — Услышав ее по радио, я скачала ее последний альбом. Я включила ее на телефоне. — Послушай. — Я начала танцевать по кухне. Мы с Оли изначально сблизились на теме танцев. Раньше он залезал мне на ступни и я шагала с ним в странном, медленном и шаркающем танце, как когда-то со мной делал отец. Очевидно, теперь он был слишком большим для этого. Он выше меня! Он отлично танцует. Мне нравится за ним наблюдать. Нужно быть уверенным в себе подростком, чтобы танцевать где-либо, не то что на кухне со своей мамой. В тот день, когда я заговорила о Тейлор Свифт, я ждала, что он присоединится, но Оли просто нахмурился, сказал, что Тейлор Свифт — отстой и исчез в своей комнате. Я не помню, чтобы он с тех пор со мной танцевал.

Упиваясь роскошью пустого дома, я увеличиваю громкость и слушаю ее трогательные тексты и великолепные мелодии, пока мою пол на кухне. Она поет о юношеской любви и беззаботности. У нас с Марком никогда этого не было. Когда я с ним познакомилась, он уже был отцом, а я стала матерью, как только согласилась быть его девушкой — или по крайней мере заменой матери или почти матерью. И все же, слушая слова, меня отбрасывает еще дальше в дни огромных провалов, потрясающих последствий. Мне нравится танцевать, мне это доставляет огромное удовольствие.

Я обожаю чистое сумасбродство этого. Время наедине с собой в воскресенье днем кажется запретным излишеством. Я начинаю качать бедрами, переставлять ноги, отбивать ритм. Скоро текст и музыка вторгаются в мое тело. Я поддаюсь им. Нет, это предполагает сопротивление — я бросаюсь в них. Я отпускаю себя. Я выплескиваю все. Обычно я все контролирую: себя, мою семью, время. Я относительно застенчивая, всегда думаю, какое впечатление произвожу. Но когда я танцую, все это отступает. Мои руки и ноги расслабляются, я трясусь бедрами и головой. Швабра становится моим партнером в танце, я кручусь и верчусь.

Снаружи небо преобразуется из болезненно-серого в темное индиго, пока я убираю и танцую. Марк пишет, что они с мальчиками поехали к Пауле на ужин. Решение принято. Со мной не советуются, просто оповещают. Но я планировала сделать только сэндвичи к чаю, поэтому не могу жаловаться. Когда пол чист и все поверхности блестят, я убираю швабры, тряпки и ведро, но — настоящая Золушка, намеренная пойти на бал — продолжаю танцевать. Мой живот становится липким от пота, волосы облепляют затылок, и я от этого в восторге! Удовольствие, свобода — абсолютны.

Поэтому я так сильно злюсь на Марка и мальчиков, что забрали это у меня. Удовольствие. Свободу.

Я слышу их. Смех. Громкий и неуправляемый. Снаружи уже совсем темно, а у меня на кухне горит свет, словно я на сцене даю представление у всех на виду. Марк, Оли и Себ стоят у стеклянной двери патио, смеясь, как гиены. Я гадаю, как долго они наблюдали. Они вваливаются в дом, все еще смеясь. Беззаботно высмеивая меня.

— Какое выступление, — говорит Марк. Он быстро меня целует, его холодные губы колот разгоряченную щеку. — Я забыл ключи, поэтому мы зашли с заднего входа.

— Господи, мам, ты танцуешь как бабушка, — говорит Себ. Это не так. Их бабушка все еще танцует твист — надо отдать ей должное — а я больше склоняюсь к стилю девяностых. Да, застряла там, наверное, но это не твист, а множество прыжков и размахиваний руками. И все же я понимаю, что имеет в виду Себ. Я поспешно опускаю руки по бокам. Если бы я могла их